

Р. С. Селезнев*

**МЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРВЫХ РУССКИХ
МЕДИЕВИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.:
ИСТОКИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ**

В РАМКАХ РУССКОЙ, а затем советской исторической науки история ментальностей прошла непростой и многолетний путь собственной эволюции. Для отечественной медиевистики частные проблемы менталитета человека Средневековья порой являлись своеобразным показателем общих тенденций развития всей исторической науки. Их статус в рамках традиционной методологии позволял судить о ее специфике, о ее догматизме или, наоборот, о восприимчивости к инновациям. Так, советская академическая общественность и марксистская методология с большим трудом и сопротивлением восприняли те новые методы и подходы, которые могла предложить и предложила ментальная история. Напротив, открытая по своему характеру русская дореволюционная историческая школа достаточно легко приняла антропологически ориентированную тематику в исследованиях отдельных медиевистов.

В статье рассмотрен сюжет, связанный с зарождением в рамках отечественной исторической науки второй половины XIX в., интереса к человеку в истории, интереса к изучению индивидуального и массового мировоззрения эпохи Средневековья¹.

В отечественной историографии данная проблема уже имеет определенную традицию. Опыт русских дореволюционных исследователей по изучению человека в истории одним из первых заметил и положительно оценил в своих работах В. П. Бузескул². Однако специальным изучением именно данного аспекта в творчестве русских историков он не занимался. Так же до революции и в первые годы после нее был опубликован ряд статей и рецензий, где авторы так же весьма положительно оценивали опыт друг друга по изучению средневекового мирозерцания³.

* Селезнев Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, ассистент кафедры истории средних веков Кемеровского государственного университета.

¹ Подробнее по данной проблематике см.: Селезнев Р. С. Ментальная история классического Средневековья в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006.

² Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Л., 1929, 1931. Ч. 1–2.

³ Гревс И. М. Лик и душа средневековья (по поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы*. 1922. № 1; См. также рецензию И. М. Гревса на работу Л. П. Карсавина: *Научно-исторический журнал*. 1913. № 1; *Егоров Д. Н.* Средневековая религиозность и труд Л. П. Карсавина // *Исторические известия*. 1916. № 2; Полемика между Л. П. Карсавиным и Д. Н. Егоровым // *Исторические известия*. 1916. № 3–4; *Кареев Н. И.* Общий религиозный фонд и индивидуализация религии (по поводу «Основ» Л. П. Карсавина и «Вальденского движения» А. Г. Вульфуса) // *Русские записки*. 1917 (Русское богатство. 1913. № 6).

В процессе становления советской исторической науки меняется и отношение к достижениям русских дореволюционных историков. Работы многих из них постепенно предаются забвению, некоторые серьезно критикуются. Причем критика традиционно сводится в основном к отказу от идеи классовой борьбы, увлечению религиозно-мистической проблематикой, отрыву истории культуры и истории религии от социально-политических корней. Речь идет о работах О. Л. Вайнштейна, Е. В. Гутновой, М. А. Алпатова и других советских историографов⁴.

В целом стоит отметить, что до конца 1960-х гг. в историографии не ставилась задача изучения процесса становления ментальной истории как отдельного направления исследований. Подобная проблема в историографической литературе не поднималась.

В работах 1970–80-х гг. принципиально меняется система оценок к творчеству дореволюционных исследователей. Положительно оценивается не только их вклад в развитие всей отечественной исторической науки, но и в развитие ментальной истории. Был преодолен отрицательный, односторонний подход к исследованию русской медиевистики⁵.

Данные тенденции получили еще большее развитие в 90-е гг. Одной из ведущих тенденций последних лет стали попытки оценить весь накопленный опыт антропологических исследований, включая и советский период⁶.

Таким образом, к концу XX столетия историческая антропология «обзавелась» серьезной историографической литературой, и количество работ постоянно растет. В них по достоинству был оценен вклад отечественных, в том числе русских, медиевистов в процесс становления антропологической истории.

С середины XIX в. отечественная историческая наука переживает во многом особенный и интересный период своего развития. В это время выделяется специфический раздел исследований – история западноевропейского Средневековья. Формируется научная база, появляются первые специалисты-историки, создаются отдельные подразделения по изучению средневековой истории в университетах, спецкурсы и курсы лекций, первые монографии по средневековой проблематике. Оформляются научные центры по изучению, в том числе и истории западноевропейского Средневековья. В императорской России их роль выполняли различные университеты – Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Киевский, Казанский.

Огромное влияние на научную деятельность историков второй половины XIX столетия оказала ситуация в России эпохи «великих реформ» 1960-х гг. и прежде всего крестьянская реформа. Как никогда, в творчестве историков обост-

⁴ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М., 1940; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968; Алпатов М. А. Русская медиевистика // Очерки истории исторической науки. М., 1963. Т. 3; Гутнова Е. В. Сорок лет советской медиевистики и ее очередные задачи // СВ. М., 1957. Вып. 10.

⁵ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Еришова В. М. Добиаш-Рожественская О. А. Л., 1988; Каганович Б. С. Бицилли П. М. как историк средневековой и ренессансной культуры // Культура Возрождения и средние века. М., 1993.

⁶ Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; Куприянов А. И. Историческая антропология в России: проблемы становления // ОИ. 1996. № 4; Кром М. М. Историческая антропология. М., 2004; Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX в. Москва, 2001 и др.

рился интерес к истории крестьянства, в том числе к истории зарубежного крестьянства.

Выделение медиевистики как отдельной отрасли исторических исследований в определенной степени было обусловлено стремлением историков понять и осмыслить зарубежный опыт по аграрному вопросу, «найти ответ на животрепещущие вопросы, выдвигавшиеся русской действительностью»⁷.

Самое прямое воздействие на историческую науку 1960–1970-х гг. оказали и иные события – новый университетский устав 1863 г., новый закон о печати 1865 г. Устав предоставил автономия университетам и расширил возможность для заграничных командировок. Закон о печати несколько снизил цензуру. Все это способствовало «меньшему стеснению мысли и слова, расширило круг исторических тем»⁸.

В России создателями школы медиевистики стали историки, представители «первого поколения» отечественных медиевистов – Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, Н. И. Кареев, В. И. Герье и др. С 60-х гг. XIX в., отчасти под воздействием позитивизма и марксизма, а во многом вопреки им, выделяются отдельные направления по изучению истории западноевропейского Средневековья – социально-экономическое (П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев и др.), позже религиозное (В. И. Герье, И. М. Гревс и др.)⁹.

Традиционно видное место в русской историографии середины XIX в. занимает Т. Н. Грановский – профессор и преподаватель (с 1839 г.) кафедры всеобщей истории Московского университета. Один из первых отечественных специалистов по Средневековью, яркий представитель общественно-политической мысли 1940–1950-х гг.¹⁰, близко общавшийся с В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, А. И. Герценом и испытавший влияние их идей.

В историографии сложилось вполне справедливое мнение, что Т. Н. Грановский был прежде всего специалистом по экономической и политической истории¹¹. Вместе с тем более пристальный взгляд на опубликованные лекции показывает, что картина западноевропейского Средневековья, представленная Т. Н. Грановским, не лишена сюжетов, связанных и с ментальной стороной жизни средневекового общества.

Определяя феодализм как ведущую форму организации средневекового общества, Т. Н. Грановский старается преодолеть узкие рамки политико-экономической истории и анализирует его как «учреждение» не только общественное и политическое, но и как нравственное¹². Именно трактовка Т. Н. Грановским нравственной стороны «феодального порядка вещей» и будет интересовать нас прежде всего.

⁷ Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х годов XIX – начала XX вв. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963. Т. 166. С. 67.

⁸ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители. Л., 1929. Ч. 1. С. 137.

⁹ Могильницкий Б. Г. У истоков социально-экономического направления в русской буржуазной медиевистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1965. Вып. 3.

¹⁰ Дмитриев С. С. Грановский и русская общественность // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.

¹¹ Алтатов М. А. Труды Т. Н. Грановского // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1; Асиновская С. А. Из истории передовых идей в русской медиевистике: Т. Н. Грановский. М., 1955; Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский Т. Н. как историк // Грановский Т. Н. Лекции по истории средних веков. М., 1986. и др.

¹² Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 244.

Характеризуя «феодальный порядок вещей», Т. Н. Грановский, среди прочего, обращается к мировоззрению, психологическим аспектам поведения феодала-сеньора. Автора интересует отношение сеньора к земле, к своим подчиненным, к равным себе и к верховному властелину. Анализируя сборники французских обычаев, церковные документы (например «духовные завещания»), Т. Н. Грановский отмечает множество, по его мнению, «бессмысленных подробностей» и большое количество разных «пошлых» повинностей, которые «не приносили владельцу никакой существенной пользы». И на основании этого автор делает весьма интересные выводы, объясняя большое количество бессмысленных повинностей капризами феодала-сеньора, его произволом, который «не доволен тем, что имел власть над своими, но хотел унижить их»¹³.

В конечном итоге, Т. Н. Грановский задается вопросом: «...какой же должен был здесь возникнуть склад ума и какое воззрение...». И выносит своеобразный приговор средневековому обществу: «Никогда мы не видим такого страшного развития эгоистической личности... никогда, может быть, во всей истории человек не подвергался такому унижительному состоянию, в каком находились сельские классы под владычеством феодала-сеньора»¹⁴.

Нельзя не заметить, что рассуждения Т. Н. Грановского довольно эмоциональны. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, нельзя забывать, что перед нами лекционный курс, по сути, устный текст, читанный Т. Н. Грановским перед аудиторией. Отсюда и красочность, и эмоциональность. Во-вторых, надо сказать, что в целом для исторической науки XIX столетия характерен взгляд на историю, как на «нравственную воспитательницу», наставницу общества. «Да, – восклицал Т. Н. Грановский, – история великая наука, и что бы вы ни говорили о естественных науках, они никогда не дадут человеку той нравственной силы, какую она дает»¹⁵. Отсюда и желание не только понять, но и почувствовать историю: «У меня еще нет сведений, нужных для историка в настоящем смысле; я еще не знаю истории, но понимаю и чувствую ее»¹⁶. Подобный чувственный взгляд на историю располагал к эмоциям, к желанию понять некую «душу» или «дух» Средневековья.

Приведенные выше высказывания Т. Н. Грановского можно расценить также, как попытку объяснить особенности феодала-сеньора через характеристику личности, в данном случае – личности феодала-сеньора. В своем анализе автор в какой-то степени обостряет проблему свободы и зависимости в средние века и выделяет одну из граней массового и индивидуального сознания господствующего сословия – чрезвычайный индивидуализм и эгоизм личности господина. Для Т. Н. Грановского противопоставление господин-подчиненный становится важнейшим мотивом средневековой повседневности.

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что Т. Н. Грановский одним из первых отечественных медиевистов попытался нарисовать по возможности полную картину западноевропейского феодализма, где органически переплетены политика, экономика и культура, носителем которых является человек.

Вместе с тем, эмоциональные рассуждения Т. Н. Грановского – в большей степени все-таки преподавателя, а не исследователя – построены на суждении о Средневековье на основании современной ему морали. Говоря о «бессмыслен-

¹³ Грановский Т. Н. Указ соч. С. 248.

¹⁴ Там же. С. 248.

¹⁵ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 343. Цит. по: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Томск, 2001. Вып. 1. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 12.

ных подробностях» и большом количестве разных «пошлых» повинностей, которые «не приносили владельцу никакой существенной пользы», автор не учитывает то, что именно эти «бессмысленные подробности», встречающиеся в источниках, являются показателем особенностей мировоззрения человека той эпохи. А разные «пошлые» повинности являются таковыми только для человека нового времени. Все это проявления характерного для человека Средневековья символизма и более развитого конкретного, а не абстрактного мышления.

К обыденному сознанию человека Средневековья обращался другой представитель «первого поколения» русских медиевистов – П. Н. Кудрявцев¹⁷.

П. Н. Кудрявцев один из первых среди отечественных исследователей выдвигает идею о динамичности человеческого сознания в истории – идею, которая позже станет основополагающей для методологии любого историка ментальности. Он однозначен в своем мнении, что сознание средневекового человека точно также отлично от сознания человека нового времени, как феодальная система от капиталистической¹⁸. Эволюция от Средневековья к Новому времени, по мнению П. Н. Кудрявцева, заметна прежде всего в сознании людей – «...настоящая сфера подобных переворотов есть сознание. Там есть свои огромные размеры, хотя и совершенно скрытые от внешнего взора...»¹⁹.

П. Н. Кудрявцев последователен в своих выводах, и из его лекций мы узнаем о том, что человек Нового времени, в отличие от личности Средневековья, руководствуется иными мотивами, или «побуждениями». Одним из признаков, который отличает человека Средневековья от человека нового времени, является расширившийся кругозор последнего, что и позволило ему «присвоить своей мысли совершенно новые пути и пространства»²⁰.

Достойны внимания размышления П. Н. Кудрявцева о двух различных культурах, которые были свойственны средневековому обществу – о культуре элитарной («лучшие умы») и культуре народной («массы»). П. Н. Кудрявцев считал, что одним из достижений эпохи Возрождения стало проникновение элементов элитарной культуры в народные массы, при этом под «элементами» подразумевается в основном культурное наследие античности²¹. Тем не менее П. Н. Кудрявцев не предпринимал серьезных попыток к исследованию народной культуры, ограничивался общими рассуждениями.

В то же время нельзя не отметить тот важный факт, что, задолго до работ знаменитых французских историков (М. Блока и Л. Февра), в исследованиях именно отечественных медиевистов прозвучало словосочетание «человек Средневековья» и проявился интерес к его мировоззрению.

Еще больший интерес к изучению загадок средневекового мирозерцания проявлял В. И. Герье²². Он занимает достаточно видное место в историографии

¹⁷ Кудрявцев П. Н. Судьбы Италии. М., 1850; *Он же*. Каролинги в Италии. М., 1852; Современное издание (Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. М., 1991.) включает курс лекций, а также статьи разных лет, в том числе «О достоверности истории» (1851) и «О современных задачах истории» (1853).

¹⁸ Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. М., 1991. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 12.

²² Герье В. И. Очерки развития исторической науки. М., 1865; Герье В. И. Катарина Сиенская // ВЕ. 1892. Кн. 9–10. Статья является составной частью серии «Зодчие и подвижники Божьего царства», которую в течение ряда лет В. И. Герье публиковал в «Вестнике Европы». Позже, уже в XX в., эти статьи были объединены в несколько отдельных

второй половины XIX столетия. Его считают лидером или даже создателем отдельного «религиозного» или «религиозно-мистического» направления в русской дореволюционной медиевистике. В свое время еще В. П. Бузескул, отдавая должное вкладу В. И. Герье в историческую науку, называл его «родоначальником русской школы новой истории»²³. Все это говорит о том, что В. И. Герье был достаточно разносторонним специалистом, занимавшимся проблемами не только средневековой истории²⁴. Немаловажную роль играла и его педагогическая деятельность. По инициативе В. И. Герье, в Москве были основаны Высшие женские курсы, на которых позже свое мастерство оттачивали его ученики и последователи: Н. И. Кареев, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рожественская и др.

В историографии закрепилось мнение, что В. И. Герье был историком культуры, историком идей²⁵. Отсюда и интерес ученого к истории церкви и христианства, который у В. И. Герье выразился в исследовании проблем и загадок средневекового мирозерцания. Эта тема красной нитью проходит через большинство его работ, посвященных эпохе Средневековья. Особенно в серии статей «Зодчие и подвижники Божьего царства», которые в течение нескольких лет публиковались в «Вестнике Европы» (затем переиздавались в виде монографий в первые десятилетия XX в.).

Интерес В. И. Герье к проблемам средневекового мирозерцания развивался, во многом, под влиянием работы немецкого исследователя Г. Эйкена «История и система средневекового мирозерцания»²⁶. Подобно Г. Эйкену, В. И. Герье считал, что решающую роль в формировании специфики средневекового мирозерцания сыграла церковь, ее активная деятельность по христианизации Запада²⁷.

По мнению В. И. Герье, в основе средневекового мирозерцания лежат два основных принципа: принцип аскетизма (отречения от мира) и принцип всемирной власти (владычества над миром)²⁸. Носителями и создателями этих принципов являются монашество и папство в лице их «лучших представителей»: «Августин, Бернард, Иннокентий III, Ф. Ассизский в средневековой истории представляют собой цельную группу исторических личностей или типов... в них всесторонне олицетворено, основанное на идее Божеского царства, мировоззрение»²⁹.

Оба принципа тесно сосуществуют, но одновременно находятся в постоянном антагонизме. Смысл антагонизма – в противоречии между аскезой и светской жизнью, между «призванием к отречению от мира и деятельным участием в борьбе за интересы церкви»³⁰. Противоречие проявлялось в деятельности самой церкви и ее «сподвижников». С одной стороны, она призывала к аскетическому

книг и переизданы. В том числе: *Герье В. И.* Западное монашество и папство. М., 1913. Поэтому работы, опубликованные во втором десятилетии XX в., мы рассматриваем в данной статье.

²³ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители. М., 1929. Ч. 1. С. 153.

²⁴ Впрочем, это характерно для большинства русских историков, не работавших по какой-либо узкой специальности, склонных к всемирно-историческому взгляду.

²⁵ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители. Ч. 1; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985.

²⁶ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. Рассуждения В. И. Герье о концепции Г. Эйкена см.: *Герье В. И.* Западное монашество и папство. М., 1913. С. 3–4.

²⁷ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители. Ч. 1. С. 144.

²⁸ Герье В. И. Западное монашество и папство. С. 2.

²⁹ Герье В. И. Катарина Сиенская. С. 479.

³⁰ Там же. С. 483.

образу жизни, к уходу от мирской суеты, но одновременно вела активную борьбу за власть, принимала активное участие в делах мира³¹. Этот контраст вносит в жизнь средневекового человека и всего общества «глубокий разлад» и «трагический интерес», «вся жизнь превращается в борьбу и драму». Драма, внутренняя борьба между аскезой и миром проявляются и в душе монаха, и в деятельности церкви. Поэтому для В. И. Герье изучение средневековой теократии является «серьезной психологической проблемой»³².

Интересны еще несколько идей В. И. Герье относительно специфики средневекового мирозерцания, которые он высказывает, стремясь понять «дух эпохи».

В идейном содержании христианства, в повседневности Средневековья автор находит, присущее человеку того времени, стремление к поиску символического смысла в окружающих его вещах, стремление в природе и в истории найти и увидеть единое, Божественное начало³³. Он так же выделяет свойственную средневековому человеку черту эмоционально, поэтически воспринимать историю, используя при написании исторического сочинения собственную, отличную от нашей, логику, располагая материал «по психологическим категориям»³⁴.

Итак, для В. И. Герье изучение средневекового мирозерцания означает изучение истории католической церкви, мировоззрения и деятельности «столпов» церкви, теоретиков (Августин, знаменитые мистики) и практиков (папы) католицизма. То есть изучение прежде всего элитарной, а не народной культуры. Подобная ограниченность характерна и для других исследователей.

Проблема кризиса античного и зарождения средневекового мирозерцания интересовала русского историка М. С. Корелина³⁵. В работе посвященной кризису античной культуры и мировоззрения, М. С. Корелин ставит задачу «показать бессилие языческой реформы и выяснить причины победы новой религии, поскольку они заключались в психологических условиях эпохи...»³⁶. Автор замечает, что в начале нашей эры античный мир переживает критическую эпоху, когда «личность переросла традиционные воззрения и мучительно искала новых основ для нового мирозерцания...»³⁷. По его мнению, старая языческая религия мало способствовала разрешению нравственных проблем, она не могла дать прочной религиозной морали, потому что ей не доставало высокого нравственного идеала, воплощенного в божестве и учения о загробном воздаянии. Последние два момента как раз и присутствовали в евангельской морали.

Таким образом, М. С. Корелин выделяет один из коренных моментов христианства, определявший повседневный уклад, жизнь и быт средневекового обывателя – учение о загробном воздаянии.

Одним из крупнейших представителей первого поколения русских медиевистов был Н. И. Кареев – историк, философ, профессор Петербургского и Варшавского университетов³⁸.

³¹ Герье В. И. Западное монашество и папство. С. 4.

³² Там же. С. 2–4.

³³ Герье В. И. Очерки развития исторической науки. М., 1865. С. 10–11.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Корелин М. С. Падение античного мирозерцания. СПб., 2005 (Дореволюционное издание – 1895).

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Кареев Н. И. Очерки истории французского крестьянства. Варшава, 1881; Он же. Философия культуры и социальной истории нового времени. СПб., 1893; Он же. Исто-

В работах Н. И. Кареева просматривается достаточно четкая и логическая схема, по которой исследователь выстраивает историю, в том числе историю Средневековья.

Для Н. И. Кареева, Средневековье – это история гармоничного взаимопроникновения и жесткого противостояния трех культур: западноевропейской, арабской и византийской. И история Средневековья дала примеры либо самостоятельного развития каждой из культур, либо примеры прямого их соприкосновения (эпоха крестовых походов). В свою очередь, в рамках западноевропейской культуры исследователь выделяет два господствующих «социо-культурных явления» – католицизм и феодализм. Это не просто религия и экономическая система Средневековья. Это, по сути, доктрины средневековой западноевропейской цивилизации. Это признаки цивилизации, явления, сформировавшие специфический образ жизни и мысли, особое «миросозерцание»: «Высшее проявление нашли обе эти силы, одна – в монахе-аскете, другая в рыцаре-воителе»³⁹.

Далее, внутри католицизма автор вычленяет три господствующих «ингредиента», или «идеала» католической культуры и идеологии: схоластику, аскетизм и мистицизм. «С одной стороны, была жизнь духа и умерщвление плоти, на другой – греховная жизнь плоти и угождение мирским страстям, привязанность к ложным радостям жизни...»⁴⁰ – так Н. И. Кареев поднимает проблему дуализма, двойственности, противоречивости сознания человека Средневековья.

Религиозность сознания средневекового человека – еще одна черта, которая, по мнению Н. И. Кареева, была свойственна средневековому сознанию: «для аскетического (то есть средневекового) взгляда земная жизнь должна была являться не чем иным, как приготовлением к загробному существованию, и это наложило печать на все средневековое миросозерцание»⁴¹, – утверждает Н. И. Кареев.

Н. И. Кареев обращался также к проблемам современной ему историографии, оценивая возможности изучения крестьянской культуры. В работе, посвященной истории французского крестьянства («Очерки истории французского крестьянства»), он называет причины, которые не позволили историкам второй половины XIX – начала XX столетия достаточно глубоко исследовать проблемы народной культуры. По мнению Н. И. Кареева, главной причиной является отсутствие соответствующих источников, которые помогли бы выразить «мысли, чувства и желания того сословия, историю которого мы думаем изложить в этой книге»⁴².

Еще раз отметим, что интерес исследователей этого периода именно к проблемам истории крестьянства был вполне объясним и вытекал из общеполитической ситуации в России времен «эпохи великих реформ» – «крестьянский вопрос в семидесятых годах в сознании русского общества был центральным социальным вопросом». «О себе могу утвердительно сказать, что выбор мной указанной темы был обусловлен этим обстоятельством», – отмечает Н. И. Кареев, объясняя свой интерес к истории крестьянства⁴³.

Таким образом, в очередной раз можно отметить, что в работах историка еще конца XIX – начала XX в. заметен явный интерес к исследованию мировоз-

рико-философские и социологические этюды. СПб., 1895; *Он же*. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903.

³⁹ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. М., 1993. С. 155–156.

⁴⁰ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 135.

⁴¹ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. М., 1993. С. 120.

⁴² Кареев Н. И. Очерки истории французского крестьянства. С. 3.

⁴³ Кареев Н. И. Памяти двух историков // *Анналы*. 1922. № 1. С. 167.

зрения человека прошлого и используются термины, привычные для историка, пишущего в стиле антропологически ориентированной истории – сознание, мирозерцание. Последний термин был особенно популярен среди дореволюционных исследователей. Вновь анализируется прежде всего религиозная составляющая мирозерцания.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Рассмотренные историки второй половины XIX – первого десятилетия XX в. не принадлежали к какому-либо одному направлению. Они не придерживались абсолютно одинаковой методологии исторического исследования, и среди них не было склонности к изучению одних и тех же проблем и периодов истории. Так, В. И. Герье был историком культуры, а Н. И. Кареева больше интересовала социально-экономическая история Средневековья. Однако их все-таки объединял интерес к человеку в истории, к проблемам средневекового мирозерцания. У некоторых исследователей этот интерес проявлялся в большей, у некоторых в меньшей степени. Они очень близко подошли к постановке отдельной научной проблемы – исследование западноевропейской культуры через анализ специфики средневекового мировоззрения. Был обозначен и господствующий термин – «средневековое мирозерцание» (реже встречается термин «средневековое мировоззрение»). Но рассматривая проблему, авторы анализировали лишь взгляды отдельных исторических персонажей, элиты, «лучших умов» Средневековья. В этом и состояла главная особенность (или ограниченность) их подхода. Нельзя сказать, что эта ограниченность будет полностью преодолена в последующих исследованиях. Тем не менее в творчестве историков начала XX в., а особенно в работах Л. П. Карсавина и П. М. Бицилли, проблема мировоззрения человека Средневековья выйдет на несколько иной уровень, приобретет новое звучание.

Несмотря на все отмеченное, историки второй половины XIX – первого десятилетия XX в. внесли весьма существенный вклад в разработку интересующей нас проблематики. В отечественной медиевистике впервые проявился, пусть и специфический, но явный интерес к человеку в истории, выработана соответствующая терминология. Впервые заявлено о необходимости изучения народной, массовой культуры Средневековья.